

СТАНИСЛАВ СТАНКЕВИЧ – УБИТЬ В СЕБЕ БУРГОМИСТРА

Герой данной публикации, пожалуй, одна из наиболее неоднозначных личностей в белорусской истории XX века. Родившийся в 1907 году в простой крестьянской семье на Ошмянщине, он умер в 1980 году в Нью-Йорке, прожив долгую, насыщенную резкими, драматическими поворотами жизнь. Он был крестьянином, молодым ученым-филологом в Вильно, учителем в Западной Беларуси, нацистским бургомистром Борисова, эмигрантом, организатором белорусской диаспоры, директором Мюнхенского института изучения СССР, журналистом радио «Свобода», литературоведом, автором книг о Янке Купале и белорусской советской литературе. Возможно, кому-то Станислав Станкевич будет интересен только в своей последней ипостаси – как литературовед. Но не нам и не сейчас, когда в Беларуси еще так свежа память о минувшей войне.

ТРИ ПОДХОДА

Факт сотрудничества с нацистами, и не просто сотрудничества, а управления всей гражданской администрацией и полицией Борисова в 1941 году, в тот самый период, когда в городе были зверски расстреляны по разным оценкам от 7,3 до 9 тыс. евреев, – все послевоенные годы дамокловым мечом висел над Станиславом Станкевичем. К страху уголовного преследования прибавлялась и горечь не до конца реализованных научных амбиций: на родине Станкевича, в Беларуси, официальное отношение к литературоведческим штудиям бывшего бургомистра было весьма сдержанным, если не сказать брезгливым. «Советская Белоруссия» 1 сентября 1970 года призывала не забывать о «зловещей роли» Станкевича в уничтожении борисовских евреев. В статье «Хроники палачей» цитировался фрагмент из показаний бывшего полицая Давида Эгофа о том, что после казни Станкевич увез вещи убитых на автомашине. «Вот каково подлинное лицо радиоклеветника из «Свободы!» – восклицал автор. Эта статья была молниеносно перепечатана в

восьмом томе известного сборника «Евреи и еврейский народ: выдержки из советской прессы», вышедшем в том же году в Лондоне. Журнал «Нёман» спустя два года тоже обратился к теме Станкевича-бургомистра. Припомнив высказывание украинского писателя Остапа Вишни «Входя в литературу, вытирайте ноги», орган Союза писателей БССР, наоборот, советовал Станкевичу-литературоведу основательно вымыть руки, которые у него по локоть в крови невинных жертв.

В 1982 году в США, а через год в Великобритании вышла книга молодого американского юриста Джона Лофтуса «Белорусская тайна». В ней, помимо прочего, рассказывалось о роли Станкевича в ликвидации Борисовского гетто, а американские власти небезосновательно обвинялись в том, что после войны приютили у себя и начали использовать в «холодной войне» против Советского Союза многих бывших нацистских коллаборантов из Беларуси. Книга Лофтуса, который не являлся профессиональным историком, вышла уже после смерти Станкевича и была далека от критериев научности. В конце концов, западные обыватели мало что слышали и знали о Беларуси, поэтому для привлечения читателей Лофтус выбрал стиль хлестких разоблачений и полудетективных намеков. На это указывал Джеймс Дингли в опубликованной в английском The Journal of Byelorussian Studies рецензии на книгу (1984). Он, между прочим, писал, что выдвинутое Лофтусом обвинение Станислава Станкевича в убийстве узников Борисовского гетто в 1941 году – не ново и якобы не подтверждается никаким серьезным новым свидетельством. Если бы советские власти имели доказательство, они давно могли их предоставить американским властям, считал Дингли. Но у самого Лофтуса на это возражение был готов ответ: он заявлял, что Советы имели разветвленную шпионскую сеть в белорусской диаспоре США, поэтому уго-

Генрих. Но позвольте! Если глубоко рассмотреть, то я лично ни в чем не виноват. Меня так учили. **Ланцелот.** Всех учили. Но зачем ты оказался первым учеником, скотина такая?

*Е. Шварц.
Убить Дракона.*

ловное преследование некоторых белорусских коллаборантов было нежелательным, так как эта сеть могла быть рассекречена. Намек на возможную связь «радиоклеветника из «Свободы» Станкевича с советскими спецслужбами был более чем прозрачным. А контраргумент Дингли – более чем беспомощным. Он попробовал свести утверждение оппонента к абсурду: мол, если так, то почему Советский Союз не создал подобную шпионскую сеть в украинской диаспоре, где бывшие коллаборанты и полиция активно привлекались к суду? Эти споры вряд ли имели смысл, так как опирались лишь на произвольные домыслы и догадки.

После распада СССР появился ряд публикаций, в которых деятельность Станкевича во время войны подается, мягко говоря, в положительном ключе. Совершенно идеализированная картина нарисована в брошюре Лявона Луцкевича и Галины Войтик «Станіслаў Станкевіч», вышедшей в Вильнюсе (2001). «У 1941 г. пачалася савецка-нямецкая вайна. Сьвядомыя беларусы імкнуліся выкарыстаць некаторыя магчымасці, каб стварыць ва ўмовах нямецкай акупацыі бел. школьніцтва, замацавацца ў адміністрацыі, адрадзіць рэлігійнае й культурнае жыццё, а перадусім – выкарыстоўваць усе магчымасці, каб абараніць беларусаў, арыштаваных немцамі, часта паводле фальшывых даносаў. Многія з бел. дзеячоў міжваеннага часу ўсклалі на свае плечы гэтую нялёгкую працу. Др. Станіслаў Станкевіч пакідае навуковую й пэдагагічную працу й пераходзіць у адміністрацыю. Спачатку ён займае становішча старшыні Барысаўскай акругі, а пасля стварэння Беларускай Цэнтральнай Рады – намесніка прэзідэнта БЦР на Баранавіцкую акругу. На гэтых становішчах Ст. Станкевіч паказаў сябе ня толькі добрым арганізатарам, але й мужным чалавекам, каторы ў жахлівых варунках нямецкай акупацыі здабыў пашану мейсцовага насельніцтва. У архіве Ст. Станкевіча захавалася кніжка ўспамінаў бел. жыдоў, што знішчаліся гітлероўцамі пагалоўна на ўсіх акупаваных абшарах. У кніжцы згадваецца й др. Станкевіч, які рабіў захады перад нямецкім генэралам, дамагаючыся адкласці ліквідацыю жыдоўскага гета, аргументуючы гэта ляляльнасцю жыдоўскага насельніцтва да ўладаў. Калі ягоныя захады не далі вынікаў, ча-

го й трэба было спадзявацца, ён папярэдзіў жыдоўскі актыў пра ліквідацыю гета, а сам выехаў з Барысава» (с. 11; орфография и лексика сохранены. – Ред.). Читая эти наивно-циничные акварельные зарисовки, чего доброго примешь Станкевича за убежденного антифашиста-подпольщика. Вторит вильнюсской брошюре и писатель Владимир Орлов, у которого, однако, хватило, не знаю, как правильно назвать это душевное качество, – осторожности, что ли, не писать о благодарных «доброму арганізатару» Станкевичу «жыдах». Но и характеристика Станкевича-бургомистра Орловым заслуживает, так сказать, внесения в анналы: «У гады Другой сусветнай вайны Станіслаў быў сярод тых, хто імкнуўся скарыстаць новыя гістарычныя абставіны ў інтарэсах беларускай справы, што і абумовіла развітаньне з роднай зямлёю – назаўсёды» («Імёны Свабоды», 2006).

Собственно, вот три подхода, которые демонстрировались и демонстрируются в Беларуси и за рубежом к военному периоду биографии Станкевича и некоторых других подобных деятелей. Советский подход – чаще всего едко-обличительный, основанный на некоторых рассекреченных архивных материалах (о них будет речь дальше) и на убежденности, что потворство и пособничество нацизму – тягчайшее преступление, не оправдываемое ничем. Западный – тесно связанный с темой трагедии европейского еврейства и акцентирующий внимание на том, что в этой трагедии были виновны не только гитлеровцы, но и нацистские пособники-наймиты из числа местного населения. Националистический – откровенно лживый (полуправда – лишь скверная разновидность лжи!), сопровождающийся лицемерным сюсюканьем о новых «исторических обстоятельствах» для «белорусского дела», как будто этим «делом» можно оправдать казнь хотя бы одного ребенка какой бы то ни было национальности.

Что интересно, несмотря на многочисленные идеологические расхождения, советский и западный подходы едины в оценке деятельности Станкевича-бургомистра. Чего не скажешь о националистическом. Как бы ни пытались националисты мимикрировать под приверженцев западных ценностей,

Станіслаў
Станкевіч

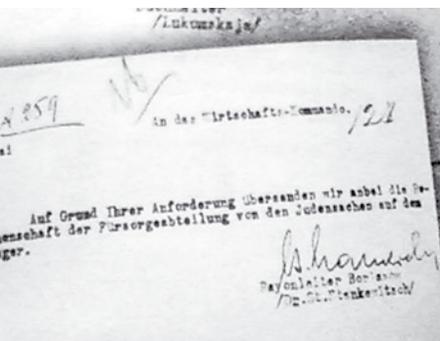
однако их умильное отношение к «доброму организатору» Станкевичу выдает их с головой. Это проявилось и в ходе недавних дискуссий о роли Станкевича в уничтожении Борисовского гетто. В Республике Беларусь никогда не пытались замалчивать эту тему. В нашей стране давно уже опубликованы показания полицая Давида Эгофа и некоторые другие документы о давней трагедии. Они широко используются историками, в том числе израильскими – А. Розенблумом, Л. Смилвицким и другими. В прошлом году большой резонанс получила статья белорусского историка А. Белого «Беларусь: не стать «сардинами» для нацистов», опубликованная сначала в Израиле, а затем в Польше. Уже в самом заглавии автор использует фразу Станислава

Станкевича, сказанную по поводу способа казни борисовских евреев: бургомистр предлагал складывать их в ямы, как сардин в консервной банке (впервые это высказывание, почерпнутое из неназванного иностранного источника, процитировал А. Розенблум). В этой статье выражается закономерное недоумение в связи с тем, что некоторые авторы националистического толка пытаются реабилитировать

деятельность Станкевича в военный период. Националистическая пресса в ответ не нашла ничего лучшего, как вновь обрушиться с критикой на ненаучную книгу Лофтуса. В. Зайка сначала в американской газете «Беларус», а затем в отечественной «Наша Ніва» заявил на весь мир, что обвинения Лофтуса в отношении Станкевича якобы сфальсифицированы. Лофтус утверждал, что Станкевич отдавал приказ и лично руководил казнью борисовских евреев. Зайка со всей решительностью возражает: это неправда, а значит, литературовед и редактор Станкевич стал жертвой фальсификаций. Но это боданье двух сказочных единорогов явно происходит в каком-то виртуальном пространстве, на параллельных ристалищах, и никоим образом не помогает приблизиться к истине. Ясно, что книга Лофтуса уязвима для критики, но также ясно, что Станкевич-бургомистр был причастен к уничтожению гетто, даже если лично не отдавал приказа начать ликвидацию.

Самое время детально рассмотреть, какими же документами и доказательствами мы располагаем. Прежде всего, это протокол допроса бывшего начальника управления безопасности г. Борисова и Борисовского района Давида Эгофа от 28 февраля 1947 года. В нем описано участие Станкевича в организации городской полиции. Эгоф рассказал, что накануне ликвидации гетто, вечером 19 октября 1941 года в Борисове был организован банкет для полицаяев. Будущих палачей решили как следует угостить и напоить. С приветственной речью на банкете выступил и бургомистр Станкевич. Фраза о массовой казни евреев и захоронении методом «сардин», как можно догадываться, была произнесена им именно тогда.

Но с допросом Давида Эгофа была связана одна загадка, которую долгое время не удавалось разгадать. В Национальном архиве Республики Беларусь (фонд 845, дело 237) хранится машинописная копия протокола этого допроса. В нем на листе 274 отмечено: «После уничтожения еврейского населения г. Борисова, проведенного 7 ноября 1941 г., бургомистр города доктор Станкевич Станислав увез на машинах вещи убитых евреев для нужд созданной немцами националистической организации «Белорусская народная самопомощь», руководителем которой он являлся». Сразу после этой фразы идет подпись следователя – зам. начальника следственной части МГБ БССР подполковника Сухарева. Именно по этой копии протокол допроса был процитирован в «Советской Белоруссии» за 1 сентября 1970 года. Это нешуточное обвинение: получается, что Станкевич лично присутствовал при казни и даже участвовал в ее процедуре (вывозил вещи убитых). Но в книге-хронике «Память» Борисовского района, где были напечатаны выдержки из протокола допроса Эгофа, эта фраза отсутствовала. А ведь составители пользовались подлинным уголовным делом в отношении Эгофа из Центрального архива КГБ. Оставалось лишь догадываться: либо составители сознательно, по идеологическим соображениям, исключили из публикации этот фрагмент, как некоторые другие, либо... существуют два варианта протокола допроса Эгофа.

Отчет С. Станкевича
вышестоящему
начальству:
«5 мая (1942 года).
На основании вашего за-
проса направляю прило-
жением к этому (письму)
отчет о еврейских вещах
из лагеря. Районный
начальник, доктор
Ст. Станкевич»

Знакомство de visu с уголовным делом в отношении Эгофа (Центральный архив КГБ, № 2174, т. 1–2), кажется, позволяет ответить на эту загадку, но взамен порождает еще больше вопросов. В этом уголовном деле находится рукописный подлинник протокола допроса Эгофа от 28 февраля 1947 года (на листах 254–321) и его же машинописная копия (на листах 197–253). Так вот, если вкратце: в подлиннике нет той фразы о Станкевиче, которая находится в копии из Национального архива и была процитирована выше. Ее там нет. Это открытие, признаться, ошеломило: и потому, что вдруг обесценилось одно из важнейших документальных свидетельств (все же напраслину ни на кого не хочется возводить, даже на нацистского прислужника), и потому, что дело Станкевича вдруг приобрело колоссальную глубину и многосложность в том аспекте, в котором это совсем не ожидалось. Тут надо несколько слов сказать о сборнике из Национального архива Республики Беларусь (ф. 845, д. 237), в котором помещена «слегка» сфальсифицированная копия протокола допроса Эгофа. Это «Сборник документов о преступлениях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в 1941–1944 гг. на территории Белоруссии. Составлен в связи с процессом в г. Кобленце над Хайзером, Вильке, Шлегелем и другими эсэсовцами из Минского СД и полиции безопасности (1962–1963 гг.)». Стало ясно, что фраза про Станкевича, который лично отвозил вещи убитых евреев, вписана в этот сборник далеко не случайно. Ведь Станкевич в 1961–1962 годах возглавлял Институт изучения СССР в Мюнхене. Поэтому сей документ, получив огласку на Западе, мог стать мощным инструментом для его дискредитации, а не получив огласку – действенным средством для шантажа. Заметим, что именно в 1962 году Станкевич вдруг переехал из Западной Германии в США. Какова была цель этого шантажа, какие планы в отношении Станкевича имели те, кто давал распоряжение вписать эту роковую фразу в копию архивного документа и затем периодически цитировать ее в печати БССР? Так ли уж неправ был Лофтгус, когда говорил о советской шпионской сети, раскинутой в белорусской зарубежной диаспоре? Требовали ли советские власти у США выдачи Станкевича как военного преступника,

а если нет – то почему? Возможно, со временем мы узнаем ответы и на эти вопросы.

Присутствие Станкевича на месте казни было, впрочем, вполне вероятно. По крайней мере, мы твердо знаем, что вечером перед ликвидацией Борисовского гетто он находился в Борисове и проникновенно речью на банкете вдохновлял полицейав на это злодеяние. Сам Станкевич после переезда в Соединенные Штаты начал распространять слухи, что, мол, всячески симпатизировал и помогал борисовским евреям, а в день ликвидации гетто якобы вовсе уехал из города. Это отражено в мемуарах некоторых эмигрантских деятелей. Но ценности и веса эти свидетельства не имеют.

Из подлинных документов вырисовывается образ Станкевича как одного из главных организаторов и соучастников убийства нескольких тысяч евреев Борисова и Борисовского района. Станкевич лично руководил переписью населения района, что позволило выявить лиц еврейской национальности и составить их списки. Истинные цели этой переписи не были секретом ни для бургомистра, ни для его подручных. Из показаний Давида Эгофа: «В целях изъятия еврейского населения по поручению немецкого коменданта Илека и бургомистра Борисовского района известного националиста-эмигранта Станкевича Станислава мною на территории Зембинской волости в июле 1941 года была проведена перепись всего населения, в результате которой было выявлено до 400 еврейских семей. Списки на всех этих лиц я представил в Борисовскую районную управу» (ЦА КГБ, у/д 2174, т. 1, л. 260).

Станкевич лично руководил арестами советских активистов и представителей местной интеллигенции. Из показаний Эгофа: «По заданию бургомистра района Станкевича мною, Кабаковым и Ярни был составлен список коммунистов и других советских активистов, проживающих на территории волости, и направлен в Борисовское СД Шейнеману. Вскоре после представления нами списка Борисовским СД были арестованы председатель Зембинского сельсовета Саровский, депутаты райисполкома Вашкевич

Давид Эгоф
во время следствия.
1947 год

Памятный знак на месте ворот Борисовского гетто

Евгения, учительница, и Бакун – заведующая больницей и еще ряд лиц» (там же, л. 266–267).

Станкевич лично создавал местную полицию и подбирал будущих палачей для ликвидации Борисовского гетто, причем главным критерием служило рвение, проявленное при предыдущих таких расстрелах. Из показаний Эгофа: «На должность начальника управления безопасности гор. Борисова и уезда меня назначил комендант Борисовского гарнизона, он же комендант фельдкомендатуры генерал-майор немецко-фашистской армии Шерер. Как мне передавал бургомистр г. Борисова Станкевич, я на эту должность был назначен по его и начальника СД Шейнемана рекомендации, как немец по национальности <...> Мое активное участие совместно с начальником Борисовского СД Шейнеманом в массовом уничтожении еврейского населения в м. Зембин явилось основным поводом к назначению меня начальником управления безопасности города Борисова и уезда» (там же, л. 269). Эти слова можно дополнить показаниями бывшего полицая Михаила Грука (4 апреля 1947 года). Он свидетельствовал, что в конце июля 1941 года в канцелярию волостной управы Старой Мётчи приехал бургомистр Станкевич, чтобы создать Мётчинскую волостную полицию: «Бургомистр района Станкевич после предварительной идеологической обработки в антисоветском духе сказал, что немецкая армия с Советским Союзом скоро покончит навсегда и советской власти больше никогда не будет». Станкевич предложил Груку поступить на службу в полицию и назначил других полицаяв, которые впоследствии участвовали в расстрелах мирных граждан (ЦА КГБ, у/д 2174, т. 2, л. 606–607).

Станкевич как бургомистр, осуществлявший руководство городской полицией, был непосредственным исполнителем распоряжений немецкой администрации по организации Борисовского еврейского гетто. Из акта Борисовской городской чрезвычайной комиссии по учету ущерба, нанесенного немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками (12 сентября 1944 года): «В августе 1941 года неизвестно по каким причинам немцами была схвачена группа евреев 50 че-

ловек и расстреляна. Вслед за этим расстрелом немецким военным комендантом полковником немецкой армии Розенфельдом было приказано всем евреям носить желтые отличительные знаки на груди и на спине. Полиции было приказано через бургомистра города Станкевича следить за этим распоряжением. В конце августа 1941 года был специально устроен лагерь для еврейского населения, так называемое «гетто» в районе улиц Красноармейской и Слободки, куда было согнано все еврейское население города Борисова. Лагерь был обнесен колючей проволокой и поставлена охрана из полицейских» (Национальный архив РБ, ф. 845, оп. 1, д. 237, л. 264). К этому можно добавить свидетельства из так называемого «рапорта Зеннекена» от 24 октября 1941 года, опубликованного А. Розенблумом.

Станкевич участвовал в идеологической обработке полицаяв в антисемитском духе, выступая на печально знаменитом банкете вечером 19 октября 1941 года. Из показаний бывшего полицая Александра Лесуна от 14 января 1947 года: «Выступали заместитель начальника полиции Ковалевский, начальник райуправы Станкевич, немецкие офицеры, которые в своих выступлениях с ненавистью говорили о еврейской национальности и призывали полицейских к истреблению евреев» (ЦА КГБ, у/д 2174, т. 2, л. 589). Наконец, в качестве бургомистра Станкевич контролировал продажу и распределение вещей и ценностей, награбленных у расстрелянных евреев. Сохранился подписанный им отчет от 5 мая 1942 года о расходовании вырученных средств на общую сумму более 1,5 млн. советских рублей (фотокопия: Национальный архив РБ, ф. 845, оп. 1, д. 237, л. 286). Отчет столь тщательный, что перечислены даже выданные у трупов золотые коронки. Как видим, круг обязанностей борисовского бургомистра был весьма широким.

«ОН НЕ УБИВАЛ...»

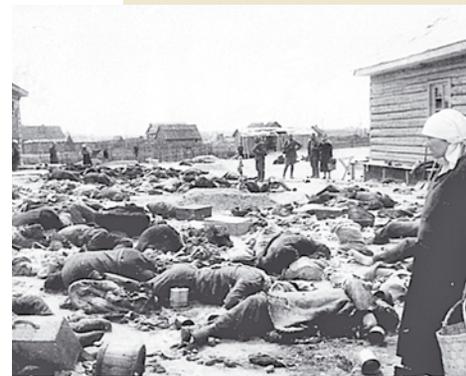
Фраза, вынесенная в подзаголовок и удивительная по своей философской пронзительности, принадлежит историку А. Розенблему. Да, Станкевич лично не расстреливал обреченных. Да, приказ о начале операции по разгрому Борисовского гетто отдал не Станкевич, а бригаденфюрер СС

Циннер (фамилия записана в показаниях Эгофа). Но могут ли эти два обстоятельства заретушировать истинную роль «добрага арганізатара» Станкевича в тех событиях? Ему не надо было самому братья за пистолет, ему достаточно было все хорошо организовать. Гитлер, собственно, тоже никого лично не расстреливал и даже был вегетарианцем. Когда встречаешь попытки навести тень на плетень и представить Станкевича-бургомистра, подсчитывающего награбленные обручальные кольца и золотые коронки, в качестве выдающегося белорусского деятеля, который якобы «імкнуўся скарыстаць новыя гістарычныя абставіны ў інтарэсах беларускай справы» (как заверяет нас писатель Орлов), то о совести, видимо, говорить бесполезно. Поговорим о материях, более приземленных, например, о том, как в Западной Европе могут и должны отреагировать на реабилитацию нацистского пособника такого калибра, как Станкевич. Вспоминается, например, скандал, разгоревшийся во Франции вокруг фигуры Мориса Папона. Напомним, в 1942 году он был префектом полиции департамента Жиронда. Но ближе к концу войны Папон, сообразив, куда клонится военная фортуна, налазил контакты с французским Сопротивлением, вероятно, даже имел какие-то заслуги перед антифашистами. В общем, после войны Папон сделался вполне уважаемым деятелем французского правительства. В 1958–1967 годах он был префектом парижской полиции, а в 1970-х – даже стал министром. Однако карьера Папона рухнула в 1981 году, когда обнаружили документы времен войны о депортации из Франции 1560 евреев, в том числе 226 детей. Под документами «всего лишь» стояли подписи Папона. После долгого следствия он был приговорен в 1998 году к десяти годам тюрьмы за преступления против человечности.

Сравним биографии Станкевича и Папона. Если военные подвиги таких деятелей, как наш борисовский бургомистр, сподобятся хотя бы малейшей реабилитации в западном общественном мнении, а также со стороны тех наших соотечественников, кто постоянно клянется в верности западным демократическим ценностям, то останется лишь признать: это либо двойные стандарты, либо полное поправление здравого смысла.

У этой темы есть и еще один аспект: отношение к послевоенной белорусской диаспоре. Совершенно очевидно, что в ней частенько правили бал весьма неоднозначные личности, подобные Станиславу Станкевичу и Борису Рогуле. Можно только приветствовать тот факт, что современное белорусское государство поворачивается лицом к нашим землякам, живущим в различных странах мира. Однако некоторые (если не сказать многие) белорусские эмигрантские сообщества, общественно-политические и научные институции на Западе были созданы при участии бывших нацистских пособников (тот же Станкевич возглавлял некоторые из них, редактировал ряд эмигрантских изданий). От этого просто так не отмахнешься – прилетит бумерангом. Идеология этих сообществ, долгие десятилетия существовавших в собственном тесном мирке, далеко от реальной жизни Беларуси, была густо замешана не только на антикоммунизме, но и на возвеличивании, мифологизации «Вайсрутении», существовавшей с 1941 по 1944 год на оккупированной территории Беларуси – со всеми ее «школьництвам», со всеми ее газетами, бургомистрами и полициями. Сближение с этими эмигрантскими сообществами, попытка вмонтировать их в современный белорусский общественно-политический и культурный контекст влечет за собой закономерный вопрос: как нам относиться к таким деятелям, как Станкевич? Только время, вероятно, сгладит эти шероховатости и противоречия. Время научит, как отделить Станкевича-бургомистра, которому Господь судья, от Станкевича-литературоведа, который внес какой-то вклад в белорусскую культуру. Советчиком тут быть сложно, так как сразу вспоминается сентенция великого русского историка А.А. Зимина: «Хороший ученый не может быть плохим человеком». Впрочем, все это лишь несущественные детали, которые меркнут при одной мысли о тысячах однажды расстрелянных людей, о той весьма условной границе, которая разделяет между собой жизнь и смерть, и о чудовищной сложности остаться человеком, находясь на этой границе.

Олег ЛИЦКЕВИЧ ■

Перед отступлением фашисты расстреляли сотни мирных жителей Борисова, июль 1944 года